Интересы и стратегические линии Турции на Южном Кавказе

Бурджу Гюльтэкин Пунсманн (Burcu Gültekin Punsmann)

В начале 1990-х годов закончилась эпоха, когда у Турции была общая сухопутная граница с Советским Союзом, так что турки вновь открыли для себя своих соседей по Южному Кавказу. Впервые за многие столетия (за исключением периода с 1918 по 1920 гг.) у Турции и России не оказалось общей сухопутной границы. Устанавливая свои первые контакты с бывшими советскими республиками. Анкара проявляла максимум осторожности, чтобы не вызвать резкой реакции со стороны Москвы, и выстраивала ровные отношения со всеми игроками. В результате новой эпохи «старых географических открытий», сопровождавшихся изменениями нарезке межгосударственных границ в южнокавказском регионе, бывшая турецко-советская граница превратилась в зону нестабильности. Появилась опасность прямой конфронтации с Россией, и вновь замелькал призрак кровавых русско-турецкий войн прошлых столетий. В этих условиях восприятие [части] бывшего советского пространства в качестве «географии тюркского мира» получает определенную подпитку за счет стратегического курса США в регионе, где Турции, в основном, уготована роль бастиона Запада против России. Стремясь сохранить свое стратегическое значение внутри НАТО, Турция великолепно сочетала свои функции как фланговое и прифронтовое альянса в течение 1990-х годов. В то время неоднозначная идея «турецкости» стала важным лейтмотивом внешнеполитической стратегии Турции в южнокавказском регионе, что привело к конфронтационному тону в отношениях с Россией и проазербайджанскому «крену» в позиции Анкары в контексте региональных конфликтов.

Краеугольным камнем политики Турции в отношении Южно-Кавказского региона стал проект по прокладке нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан (БТД). Региональная политика Анкары оказалась фактически втиснутой в рамки проблематики БТД. Такой узкий подход ограничивает возможности для более активного участия Анкары в делах региона и формирования стратегического мышления. Преодолению оставшихся в 2000-х годах трений будет способствовать укрепление двусторонних турецко-российских связей. В своих отношениях с Россией Турция постепенно преодолевает наследие холодной войны, что непосредственно сказывается на ее стратегическом векторе на Южном Кавказе.

Эпоха «географических открытий»: повторное открытие соседей по Южному Кавказу

Турция стала вновь испытывать озабоченность относительно будущего Южного Кавказа в январе 1990 г., когда в ответ на случаи нападения на армянскую общину в Баку в столицу Азербайджана были введены советские войска и убито несколько сотен азербайджанских демонстрантов. Несмотря на сочувствие широких масс турецкого населения по отношению к азербайджанским братьям, правительство Турции, тем не менее, заняло весьма осторожную позицию, основанную на настойчивом утверждении, что события в Азербайджане были-де сугубо внутренним делом Советского Союза. Стамбул также отказался признать преждевременную независимость Азербайджана, провозглашенную 20 января.

¹ Это расплывчатое этно-религиозное понятие предназначено для того, чтобы попытаться определить саму суть турецкой самобытности. Эта концепция была закреплена в Уголовном кодексе Турции до 2008 года (прим. автора).

В марте 1991 г. президент Турецкой Республики Тургут Озал посетил с официальным визитом Украину, Азербайджан и Казахстан, а также Москву; открылись регулярные авиарейсы между Стамбулом и Баку. Месяц спустя состоялся первый в истории отношений двух стран визит в Армению высокопоставленного должностного лица Турции, когда посол Турции в Москве Волкан Вурал прибыл в Ереван для обсуждения путей улучшения двусторонних отношений. Правительство М. Йылмаза приняло решение пойти на определенный риск, признав независимость всех бывших советских республик до того, как аналогичные решения были приняты США и другими странами Запада. Одним из последних решений, принятых правительством М. Йылмаза до окончания срока его полномочий, было признание независимого Азербайджана 9 ноября 1991 г. Пришедшее на смену администрации М. Йылмаза правительство С. Демиреля продолжило начатый курс, признав 19 декабря [того же года] все остальные новые независимые государства, образовавшиеся на бывшем советском пространстве.

В условиях после окончания холодной войны коренным образом изменилась практика пограничных обменов. После распада Советского Союза и образования новых независимых государств на Южном Кавказе Турции пришлось выстраивать отношения с новыми соседями. Самыми значимыми событиями начала 1990-х годов были закрытие единственного пограничного перехода с Арменией в 1993 г. и открытие новых пунктов пересечения границы с Грузией и Нахичеванской Автономной Республикой. Турция знаменовала «географическое открытие» своего нового соседа – Грузии – открытием в 1988 г. пограничных переходов сначала в Сарпи, затем – в Тюркгёзю, а в 1994 г. – предоставлением городу Ардахану² статуса приграничного города. Открытие в 1993 г. пограничного перехода в Дилуджу создало связи между Ыдыр и Нахичеванской Автономной Республикой. Открытие границы у пос. Сарпи было тепло встречено как государственными структурами, так и деловым сообществом Черноморского побережья, а также Торговой палатой г. Трабзона, которая особенно настойчиво лоббировала это решение. Сарпи станет воротами во все остальные республики Южно-Кавказского региона. Тем временем г. Карс (историческое название - Serhat Kars) лишился статуса приграничного города. 3 апреля 1991 г., после нападения армянских вооруженных формирований на Кельбаджар, правительство ответило перекрытием поставок пшеницы в Армению через территорию Турции. Официальное закрытие пограничного перехода Догукапы – Ахурян в 1993 г. ознаменовало [полный] разрыв прямого наземного сообщения с Арменией, а реализация предложения открыть второй пункт перехода границы в Алиджан – Макара (район г. Ыдыр) была отсрочена. Открытие пограничного перехода в Дилуджу между Ыдыр и Нахичеванью в мае 1992 г. было жизненно важным для жителей попавшего в изоляцию азербайджанского анклава, но этот процесс зашел в тупик.

Энергетический вектор в биполярном подходе к безопасности: фактор поляризации

Однако, несмотря на растущие объемы взаимных обменов в пограничной полосе между Турцией и странами Южного Кавказа, Турции в течение 1990-х годов пришлось совмещать свою традиционную функцию флангового государства НАТО с новой задаче — по обеспечению переднего края альянса. В начале 1990-х гг. роль Турции в НАТО обрела новее измерение — она стала «прифронтовым» государством. Предполагалось, что новая холодная война с Москвой может скорее принять форму

 $^{^{2}}$ Альтернативное написание — Ардаган (по-турецки — Ardahan) (прим. пер.).

трений на удаленной южной периферии России, чем более непосредственной конфронтации на европейском театре. Вызовы безопасности считались более серьезными, более непосредственными и более чреватыми применением силы в восточной части Средиземноморья — возможно, на границе с Турцией. Региональная позиция Турции формировалась под влиянием энергетической политики США, пронизанной конфронтационной по отношению к России логикой.

Краеугольным камнем политики Турции в отношении Южно-Кавказского региона является проект по прокладке нефтепровода БТД. Турция принимала активное участие в разработке концепции проекта, а его завершение символизирует настоящий успех турецкой дипломатии, приложившей немалые усилия для того, чтобы распутать сложный клубок имевшихся проблем. Значение трубопровода, соединяющего Каспий со Средиземным морем через территорию Турции, связано, главным образом, с его политическим, а не экономическим измерением. В условиях традиционной биполярной парадигмы Турция стремится к извлечению политической и стратегической выгоды путем нахождения своей ниши в динамике отношений между США и Россией.

Официальное открытие нефтепровода БТД состоялось 13 июля 2006 г. на торжественной церемонии в г. Джейхане, которая получила широкое освещение в прессе. Тот день был назван историческим. Ожидалось, что объемы нефти, поступающей по БТД, в перспективе выйдут на уровень двух миллионов баррелей в день (б/д), что позволит еще более разнообразить источники энергоносителей за счет стран, не входящих в ОПЕК. При этом доходы от транзита и эксплуатации нефтепровода будут зависеть от объемов транспортируемой нефти. В течение первых 16 лет эксплуатации нефтепровода ожидаемый уровень поступлений будет находиться в пределах 140-200 млн. USD, а в последующие 24 года — между 200 и 300 млн. USD. До выхода нефтепровода БТД на максимальную мощность в объеме 1 миллиона б/д ожидаемый уровень доходов от его эксплуатации не должен превышать уровень поступлений от эксплуатации нефтепровода Ирак — Турция.

По мере расширения круга сторонников нефтепровода БТД (именно ему Анкара отдала свое предпочтение) среди стран региона Турция также укрепляла свои связи в сфере безопасности. Азербайджан и Грузия развернули активную кампанию по расширению своих отношений с НАТО в военной сфере и сфере безопасности. Азербайджан предложил свою территорию США, НАТО и (или) Турции для развертывания военной базы в обмен на принятие страны в НАТО в роли передового оплота в противостоянии российскому экспансионизму. И Азербайджан, и Грузия расширили военные связи с Турцией, включая подготовку [военных] кадров и проведение совместных учений, и выступили с предложением активизировать сотрудничество с НАТО в целях обеспечения безопасности инфраструктуры нефтепроводов. Все три страны-партнера попытались закрепить свою готовность к сотрудничеству в некоем официальном документе, связанном с БТД. Этот процесс привел к подписанию 23 июля 2003 г. Протокола «Об обеспечении безопасности энергетического коридора «Восток — Запад»» между Республикой Азербайджан, Грузией и Турецкой Республикой.

Созданная под эгидой Турции система региональной безопасности нацелена на сохранение сложившегося положения вещей (status quo). Формирующаяся система региональной безопасности, сосредоточенная на задачах «защиты трубопровода», способствует «глубокой заморозке» имеющихся конфликтов и обостряет поляризационные процессы вследствие продвижения биполярного регионального

порядка, что чревато усугублением напряженности и появлением дополнительных угроз и вызовов безопасности в этом нестабильном регионе.

В результате своей региональной политики, загнанной в «прокрустово ложе» проекта БТД, Турция в значительной степени способствовала замораживанию азербайджаноармянского конфликта. Дипломатический потенциал Анкары в регионе был в значительной мере ослаблен вследствие найденной Азербайджаном и Турцией компромиссной формулы отношения соображений безопасности к экономической целесообразности. Политика Турции в регионе оказалась заложницей ее отношений с Азербайджаном в области безопасности. Более того, занятие откровенно проазербайджанской позиции по региональным проблемам стало ценой, уплаченной за осуществление проекта по прокладке нефтепровода БТД.

Треугольник Турция – Азербайджан – Армения и конфликт вокруг Нагорного Карабаха

В период между осенью 1991 и весной 1992 гг. представлялось вполне вероятным, что Турции удастся развить добрососедские отношения как с Арменией, так и с Азербайджаном. После посещения армянской столицы послом В. Вуралом высокопоставленная правительственная делегация Армении была принята Экремом Пакдемирли – заместителем премьера в администрации Йылмаза, чей срок полномочий подходил к концу. Активно обсуждались возможности развития торговли между двумя странами, в частности, перспективы расширения порта в Трабзоне в интересах обслуживания транзитной торговли с Арменией. Эта идея была предложена Американско-армянско-турецким консорциумом в феврале 1992 года. Складывалось впечатление, что в своем стремлении снять остроту конфликта Турция призывала Азербайджан к пересмотру решения последнего об отмене автономии Нагорного Карабаха.

Турция установила дипломатические отношения с Азербайджаном и Грузией в 1992 году. Армения не удовлетворила требование Турции официально заявить о своем признании Карсского договора³ 1921 года. При этом Ереван рассматривает свое вступление в ОБСЕ в 1992 г. как доказательство своей приверженности принципу нерушимости международных границ. Однако к закрытию турецко-армянской границы в конечном итоге привел не этот спор, а обострение нагорно-карабахского конфликта.

Закрытие границы в самый разгар войны в Карабахе стало своего рода актом возмездия, которым Турция ответила на занятие Арменией части территории Азербайджана. С тех пор вопрос об открытии границы воспринимается как вопрос о снятии десятилетней блокады, объявленной Армении Турцией, и увязывается с

выход России из Первой мировой войны, Карсский договор закрепил демаркацию современных границ между Турцией и государствами Южного Кавказа.

=

³ Карсский договор (по-турецки: «Kars Antlaşması») о «дружбе» был заключен [в октябре 1921 г.] между Великим национальным собранием (меджлисом) Турции, которое в 1923 г. провозгласит образование Турецкой Республики, и представителями Советской Армении, Советского Азербайджана и Советской Грузии, вошедшими к тому времени в состав Советского Союза после заключения Союзного договора в декабре 1922 г., при участии большевистской России. Став преемником Московского договора [между РСФСР и Турцией – прим. пер.] от [16] марта 1921 г. и Брест-Литовского договора, ознаменовавшего

вопросом о политическом урегулировании нагорно-карабахского конфликта и возвращении Азербайджану оккупированных территорий. Любой потенциальный отход [Турции] от этой традиционной позиции вызывает озабоченность в Азербайджане, который опасается возможного ослабления в результате этого своей позиции в процессе поисков политического урегулирования карабахского спора. В Азербайджане широко распространено опасение того, что в случае возобновления нормального режима перехода турецко-армянской границы Баку потеряет основной рычаг воздействия на Ереван. В этих условиях Азербайджан оказывает давление на Турцию с целью сохранения сложившегося status quo, поскольку эффективности блокады можно добиться только при сохранении изоляции Армении с обеих сторон. Решение об открытии границы в нынешних условиях было бы равносильным отказу от символического, но все же сильного жеста солидарности. В этом контексте считается, что возобновление нормального функционирования границы может поставить под угрозу отношения между Турцией и Азербайджаном, оказать морально-политическую и экономическую поддержку Армении и отрицательно сказаться на перспективах урегулирования нагорно-карабахского конфликта.

Приверженцы такой логики не пытаются поставить под сомнение эффективность приверженности Турции идее о сохранении закрытого режима на границе с Арменией, принимая как само собой разумеющийся довод о том, что-де экономическая блокада Армении дает остальным участникам переговоров о мире рычаг воздействия на Ереван. При этом главный вопрос здесь должен звучать следующим образом: а привела ли политика бойкота Армении со стороны Турции к выработке какого-либо решения и нахождению какого-либо выхода из конфликта? Помогает ли такая политика Азербайджану за столом переговоров? Наконец, оказался ли Азербайджан сегодня ближе к тому, чтобы смочь заставить армянскую сторону пойти на какую-либо крупную уступку? Не пора ли Турции отказаться от курса, который не привел к положительным результатам, и приступить к процессу нормализации отношений с Арменией, с тем чтобы более активно способствовать разрешению карабахского вопроса и более эффективно продвигать интересы Азербайджана?

В сущности, поддержка Азербайджана со стороны Турции в виде закрытия на замок границы с Арменией оказалась ничем иным, кроме символического жеста. За последние 17 лет бойкот Армении со стороны Турции не способствовал выработке какого-либо решения. Более того, политика Анкары ограничила потенциальные возможности для оказания влияния на Армению со стороны Турции. Несмотря на то, что Турция является постоянным членом Минской группы и полностью поддерживает все предпринимаемые ею усилия, весьма незавидное состояние ее отношений с Арменией только мешает реализации ее потенциала, который мог бы ей позволить играть [более] активную посредническую роль в урегулировании карабахского конфликта. Следовательно, сохранение *status quo* никак не помогает Турции в достижении поставленных внешнеполитических целей. Сохранение *status quo* также едва ли соответствует интересам Азербайджана.

Подписание турецко-армянских протоколов в Цюрихе 10 октября 2009 года открыло историческое окно возможностей для нормализации двусторонних отношений. Обе стороны не один месяц напряженно трудились над созданием условий для достижения двустороннего межправительственного согласия. Подписанные протоколы содержат подробный план установления дипломатических связей, открытия общих границ и улучшения двусторонних официальных отношений и укрепления связей на уровне обычных людей на основе комплекса общих принципов и согласованного графика.

В настоящий момент, видимо, можно говорить о том, что процесс нормализации отношений между Турцией и Арменией зашел в тупик. Перспективы повторного включения протоколов в нынешнюю повестку дня представляются весьма хрупкими, особенно после решения, принятого президентом Армении Сержем Саркисяном 22 апреля 2010 г., о приостановлении процедуры их ратификации парламентом страны. Общее понимание заключается в том, что процесс приостановлен на неопределенный срок. Для достижения успеха в этом процессе понадобились бы такие факторы, как оперативность и прозрачность, но темпы оказались невысокими, а позиции двусмысленными. Кроме того, переговоры оказались под сильным влиянием внутреннеполитических повесток дня в обеих столицах. Весь процесс расстроился вследствие одного вновь выдвинутого Турцией условия – увязать нормализацию турецко-армянских отношений с урегулированием нагорно-карабахского конфликта. Сохранение турецко-армянских двусторонних отношений в состоянии разрыва на данном этапе чревато более высокой вероятностью отвлечения внимания мировой общественности от проблем региона и ухудшения перспектив достижения какого-либо урегулирования конфликта в обозримом будущем.

Заинтересованность Турции в укреплении независимой Грузии: сначала – сосед, а потом – транзитная территория для трубопровода

Важность Грузии для Турции трудно переоценить. Развитие отношений с Турцией помогает Грузии в деле укрепления своей независимости. С другой стороны, после закрытия турецко-армянской границы Грузия превратилась для Турции в ворота на Южный Кавказ и — далее — в Центральную Азию. Лучшим символом этой логической связи является нефтепровод БТД. Грузия, сначала воспринимаемая [лишь] с точки зрения транзита каспийской нефти по маршруту БДТ, [вдруг] стала еще и соседом. Возвращение войны в регион в 2008 году продемонстрировало сохранение серьезных рисков, связанных с функционированием транзита Восток — Запад и прокладкой транспортного коридора через территорию Грузии. Однако для Анкары образование очага нестабильности и непредсказуемости в результате войны, разразившейся буквально у самых северо-восточных границ Турции, является намного более серьезным источником обеспокоенности, чем перебои с поставкой углеводородов по трубопроводу.

Пограничная полоса между Турцией и Грузией полностью открыта для людей и торговли. Аэропорт в Батуми, построенный и управляемый турецкой компанией TAV, эксплуатируется авиакомпанией «Турецкие авиалинии» (ТНҮ) для обслуживания внутренних авиарейсов. Поселок Сарпи, однажды разделенный на части и опоясанный системой охранных ограждений в духе холодной войны, воссоединяется [в единое целое] благодаря интенсивным пограничным обменам и сотрудничеству. Аджария интегрируется с черноморским побережьем Турции. Закрытый некогда поселок Гогно служит теперь местом проведения деловых встреч за обеденным столом между грузинскими деловыми партнерами. Вдохновленные объединенной Европы, турецкие и грузинские власти прилагают все усилия к тому, чтобы практически стереть границы между двумя странами. В этих условиях состояние российско-турецких отношений стало для Анкары серьезным источником озабоченности.

Преодоление наследия холодной войны: сближение между Турцией и Россией и события на Южном Кавказе

Преодолению оставшихся с 2000-х годов трений будет способствовать укрепление двусторонних турецко-российских связей. Турция постепенно преодолевает наследие холодной войны в своих отношениях с Россией, что должно оказать прямое влияние на стратегический курс Турции на Южном Кавказе. Россия же постепенно становится основным партнером [Турции] на бывшем советском пространстве, в частности, на той его части, которая была определенна в 1990-е годы как «география тюркского мира». Наконец, некоторый дискомфорт, испытываемый Анкарой в отношении амбиций Вашингтона в черноморском регионе, а также созревшая готовность проводить более уверенную и независимую внешнюю политику помогут Турции сбросить груз мышления в духе холодной войны.

В 2003-2004 гг., на фоне вторжения в Ирак, обе страны – и Турция, и Россия – стали опасаться роста активности администрации Буша в черноморском и южнокавказском регионах, рассматривая это как крупный фактор нестабильности. Во-первых, у НАТО не было никакой необходимости разворачивать свои силы в этом регионе, поскольку там уже имелись адекватные региональные структуры, к тому же уже настроенные на волну взаимодействия с НАТО. Во-вторых, любая региональная инициатива должна обязательно включать Россию. По мнению Анкары, любые движения, вызывающие раздражение Москвы, чреваты дестабилизацией положения в регионе. Россия не может не быть важным участником поисков путей урегулирования замороженных конфликтов в регионе.

Процесс исторического примирения между Турцией и Россией должен вызвать такой же энтузиазм, как в свое время вызвал аналогичный процесс между Францией и Германией, когда двум традиционным недругам удалось найти [и расширить] общие основы взаимопонимания. В этом сближении между двумя народами роль движущей силы сыграла экономика в целом и частный сектор, в особенности. Обе страны, воевавшие друг с другом 16 раз за историю своего существования, [вдруг] осознали тот факт, что у них нет больше причин для войн. Для 1990-х годов было характерно ощущение того, что декорации снова расставлены для возобновления 400-летнего состязания между Турцией и Россией. Сложившиеся в регионе на конец холодной войны условия давали основания для утверждений о якобы существующей между двумя народами глубокой враждебности на генетическом уровне. У Турции и России всегда были спорные территории, где сталкивались их интересы и взаимные претензии. До того как в 1921 г. Закавказье оказалось на границе между Турецкой Республикой и Советским Союзом, оно было районом непосредственного соприкосновения между Османской и Российской империями. Отличительной чертой этого соприкосновения был достаточно высокий уровень насилия, поскольку в течение многих десятилетий обе империи скорее воевали между собой, чем торговали. Выступая как некая серая зона между двумя политическими соперниками и выполняя функцию буферной зоны, регион Закавказья долгое время был площадкой для взаимных споров.

Продвинутое разностороннее партнерство, которое поддерживается обоими государствами, зиждется на достигнутом взаимопонимании, которое способствовало постепенному преодолению многовекового наследия взаимных претензий и конфликтов. Это печальное наследие было наполнено множеством неприглядных картин, которые образовали густой клубок подозрительности, взаимной неприязни и страха. Процесс турецко-российского примирения тем более интересен и перспективен, так как в него вовлечены простые граждане – предприниматели и туристы.

Россия стала для Турции крупнейшим поставщиком природного газа и одним из основных партнеров по реализации региональных энергетических проектов. С точки зрения Турции, все еще сохраняющей интерес к проектам транспортировки энергоносителей с востока на запад [через свою территорию], энергетическая проблематика уже не является фактором поляризации на Южной Кавказе. Согласно данным МВФ от 2010 г., Турция занимает третье место в мире по темпам роста потребления энергоносителей, уступая лишь Китаю и Индии и опережая Бразилию. В представляется крайне необходимой разработка глобальной энергетической стратегии (концепции), основанной на прагматизме и рыночных принципах. Газовый «конфликт» между Азербайджаном и Турцией, по сути, является сугубо коммерческим спором вокруг цен на газ, даже если динамика турецкоармянских отношений, видимо, заставила Азербайджан занять более решительную и уверенную позицию вследствие накопившегося раздражения. В июне 2010 г. Турция и Азербайджан подписали долгожданный меморандум о взаимопонимании, который предусматривал поставку в Турцию 11 млрд. кубометров природного газа, добываемого на месторождении Шах-Дениз на территории Азербайджана. В рамках проекта «Шах-Дениз II» будет приниматься решение о выборе наиболее оптимального варианта прокладки маршрута для южного газового коридора из таких рассматриваемых проектов, как «Набукко», «Interconnector Турция – Греция – Италия» (ITGI) и «Трансадриатический газопровод» (ТАР).

Высокий градус напряженности в отношениях между Турцией и Россией возник на фоне войны между Грузией и Россией в августе 2008 г., которая наглядно продемонстрировала высокую цену возвращения в парадигму холодной войны. Растущие объемы и интенсивность взаимных контактов до уровня, который уже позволяет практически говорить о полной взаимозависимости, в самом деле привели к резкому увеличению стоимости любого конфликта между Турцией и Россией. Турция была обеспокоена возможной эскалацией напряженности в отношениях между бывшими соперниками эпохи холодной войны. После завершения военных действий Россия, несмотря на то, что ей не очень-то понравились посягательства на ее сферу влияния, все же признала наличие общности интересов с Турцией и поддержала [ее] инициативу, сделав выбор в пользу прагматичного подхода и передав Анкаре эстафетную палочку в организации политической динамики на Южном Кавказе.

В российско-турецком региональном дискурсе оформилось ощущение того, что стабильность синонимична сохранению *status quo*. Такое общее осознание обеими странами необходимости не допустить вмешательства в дела Южного Кавказа со стороны внешних сил вызвало у сторонних наблюдателей предположения о потенциальной возможности установления в регионе некоего турецко-российского «общежития». Очевидно, Турция по-прежнему озабочена сохранением *status quo* в Южном Кавказе в качестве способа поддержания стабильности в регионе, несмотря на все раздоры, распри, блокады и торговые ограничения, столь характерные для региона.

Увязка событий на Южном Кавказе с действиями Европейского союза в регионе

Понятие «соседи» для ЕС и Турции все в большей степени совпадают. Это утверждение особенно справедливо в отношении черноморского региона, где все страны являются полноправными партнерами в рамках Европейской политики соседства (ЕПС) Евросоюза. Новые соседи Европы являются, по сути, старыми соседями Турции. И это обстоятельство никак не зависит от того, будет ли Турция в будущем принята в Союз или нет. Черноморье можно определить как регион, где живут

одновременно соседи и Турции, и ЕС. В рамках процесса вступления в ЕС Турция может укрепить свой потенциал в качестве активного соучастника создания стабильности, безопасности и процветания в своем регионе и в то же время помочь ЕС стать полноправным внешнеполитическим субъектом на региональной сцене. Только при увязке к процессу вступления Турции в ЕС Европейская политика соседства сможет превратиться в разумную и жизнеспособную стратегию и тем самым способствовать развитию более последовательных и эффективных отношений между объединенной Европой и внешним миром и превратиться в действенный инструмент поддержки процессов субрегиональной интеграции. Отсюда – необходимость анализа возможностей и путей увязки отношений между Турцией и Европейским союзом с дальнейшим развитием его ЕПС и Общей внешней политики и единой политики в области безопасности. И как бы ни разрешился в конечном итоге вопрос о статусе Турции в ЕС, одним из основных приоритетов для объединенной Европы в качестве одного из ее геостратегических проектов является тесная и устойчивая интеграция Турции с ЕС и включение ее в эту организацию при создании международного режима управления юго-восточными границами Европейского союза.

Высвобождение Турции от пут мышления в духе холодной войны, преобладавшего в 1990-е годы, создает оперативный простор для нового маневра на Южном Кавказе. старалась особенно не выделяться на региональном Традиционно Турция политическом ландшафте, оставаясь – как в дискурсе, так и в действиях – в тени американского «большого брата». Помимо этого, стратегический курс на полную солидарность с Азербайджаном весьма ограничил возможности для участия Анкары в международных усилиях по урегулированию конфликтов в этом регионе. Турцию заботила задача сохранения status quo в южнокавказском регионе как средства поддержания региональной стабильности, несмотря на все водоразделы, раздоры, блокады и торговые ограничения, характерные для региона. Война в Грузии в 2008 г. продемонстрировала всю неустойчивость сложившегося положения «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК), провозглашенная Турцией в контексте событий 2008 г., является новаторской инициативой в том смысле, что в ней впервые открыто увязывается воедино задача обеспечения стабильности в регионе с поисками путей разрешения региональных конфликтов. Нацеленная на действенного способа разрешения актуальных «Кавказская платформа» основана на признании того факта, что напряженность в отношениях является производной глубокого дефицита доверия между государствами – соседями по региону. Благодаря этой инициативе впервые становится возможным направить достигнутое доброе взаимопонимание между Турцией и Россией на конструктивное разрешение проблем, сохраняющихся в общем для двух соседних стран географическом пространстве. Уверенно развивая свои отношения в течение всех 90-х годов, Москва и Анкара одновременно проявляли максимум осторожности, чтобы не допустить распространения на них «инфекции» напряженности на Кавказе. крайне необходимым Наоборот, представляется «заразить» Южный того уникального экономического положительным примером сотрудничества, практически граничащего с полной взаимозависимостью, которое сложилось между Россией и Турцией. Анализ этого нового алгоритма в динамике турецко-российских отношений демонстрирует положительное влияние на состояние двусторонних отношений прагматического подхода, основанного предпринимательской инициативе. Кавказский регион традиционно страдает от своей роли в качестве некоей серой зоны, где разыгрываются драмы управляемого соперничества между Турцией и Россией. Нынешнее же сближение между двумя

традиционными соперниками может положительно сказаться на развитии событий в регионе, где уже вызревают условия для поиска способов переноса модели экономического сотрудничества между Россией и Турцией, практически граничащего с полной взаимозависимостью между двумя странами, на регион Южного Кавказа.

Основной движущей силой создания ПССК был процесс нормализации отношений между Турцией и Арменией. Сегодня, спусти три года после провозглашения этой инициативы, принципы, механизмы принятия решения и структура ПССК все еще нуждаются в доработке. Заложенные в ней новаторские, основанные на прагматических подходах механизмы укрепления доверия должны помочь в разрешении споров между Россией и Грузией, Арменией и Азербайджаном, а также Турцией и Арменией. Сюда же можно включить и Абхазию с Южной Осетией. Европейский же союз, со своей стороны, мог бы взять на себя ведущую роль в этом процессе, включив ПССК в контекст своей политики соседства (ЕПС), возможно, в рамках взаимодействия с Организацией черноморского экономического сотрудничества и диалога ЕС – Россия.

Внутренние 4 действующие лица и Кавказ

С учетом размеров страны и сложности регионального геополитического контекста кавказская проблематика не включена в список первоочередных внешнеполитических приоритетов Анкары. В настоящее время относительная важность региона обусловливается, главным образом, его географической близостью: Турция как крупный сосед не может позволить себе индифферентное отношение к происходящим внутри региона событиям. Появление факторов нестабильности в непосредственной близости от ее границ не может не сказаться на Турции.

При этом экономическое значение региона не представляется особо внушительным. Все еще сохраняет свою актуальность стратегическое мышление, получившее свое развитие в период 1990-х годов, в соответствии с которым основная роль региона связывается с его потенциалом в качестве транзитной территории. Южный Кавказ или, вернее сказать, Грузия является для нее воротами в регион Каспия и Центральной Азии. В 1990-е годы политические страсти вокруг БТД в рамках «энергетической парадигмы» подталкивали представителей ТЭКа и делового сообщества, имевших хорошие связи в администрации С. Демиреля, к продвижению идеи об установлении более тесных отношений с Азербайджаном. Сегодня же основной взгляд [турецких] деловых кругов и представителей ТЭКа, которые заинтересованы в связях с Евразией, обращен на Россию. Характерно при этом, что южный газовый коридор не порождает такого же энтузиазма, который сопровождал в 1990-годы проект БТД.

Таким образом, едва ли можно говорить о наличии предпосылок к росту политической активности в регионе на основе повышения активности деловой. В политическом смысле, экономика Азербайджана не представляет [для Турции] большей привлекательности, чем экономика России, уже ставшей ее крупнейшим торгово-экономическим партнером на бывшем советском пространстве. В то же время экономика Азербайджана имеет [для Турции] большее значение, чем экономика Армении: нежелание подвергать риску деловые отношения с Азербайджаном продолжает мешать движению в сторону нормализации отношений с Арменией.

_

⁴ С точки зрения страны автора – Турции (прим. пер.).

⁵ Очевидно, автор имеет в виду бывшее советское пространство (прим. пер.).

Идея пантюркизма пережила непродолжительную вспышку популярности среди турецких политиков в первой половине 1990-х годов, но впоследствии снова откатилась в свою традиционную социальную нишу – среду турецких националистов. Активная часть крайне правых пантюркистов является основной движущей силой, питающей проазербайджанское лобби. Эффективность этого лобби трудно объяснить как довольно скромным размером азербайджанского национального меньшинства [в Турции], так и теснотой деловых связей между Турцией и Азербайджаном. Большую роль здесь играет высокий организационно-мобилизационный потенциал наряду с тесными связями в официальных структурах Азербайджана. Девиз «два государства – один народ», который определял особенности официальных отношений между Турцией и Азербайджаном, содержит ряд черт, характерных для логики в духе идеологии пантюркизма с ее упором на концепцию «турецкости» как естественной связи [между всеми тюркскими народами и народностями – прим. пер.]. Это выражение было впервые произнесено президентом Азербайджана А. Эльчибеем во время первого визита в Баку руководителя партии «Националистическое движение Турции» Арпарслана Тюркеша для иллюстрации особой связи между Турцией и тюркским республиками на бывшем советском пространстве. Турки и азербайджанцы изображаются как единый народ, разделенный историей на два отдельных государства. На основе такой логики формируется понимание о тождественности национальных интересов обеих стран. Именная это чувство солидарности проазербайджанскую позицию отношению к конфликту Турции ПО Азербайджаном и Арменией вокруг Нагорного Карабаха.

В количественном отношении северокавказская диаспора намного более значительна, чем общины этнических азербайджанцев [в Турции]. Первые абхазские иммигранты основали в Анатолии 150-160 поселений. Сегодня численность их внуков оценивается в пределах от 700 тыс. до миллиона, в то время как численность более широкой диаспоры выходцев из Северного Кавказа составляет от 2 до 7 миллионов человек. Официальные данные получить невозможно, так как при проведении официальной переписи населения в Турции данные об этнической принадлежности не собираются. Переписи, проводимые до 1965 года, включали вопрос о родном языке. Сегодняшние оценки являются результатом проецирования данных переписи 1965 года с учетом численности населения, обращенного в вынужденную эмиграцию с Северного Кавказа в 1864 г. В некоторых случаях турецкие официальные лица называют следующие цифры в своих заявлениях для прессы и публичных выступлениях: 600 тыс. или 700 тыс. абхазцев и 7 миллионов выходцев с Северного Кавказа. Но даже эти цифры указывают на то, что в Турции абхазцев проживает больше, чем собственно в Абхазии, а также больше выходцев из северо-западных районов Кавказа⁶ чем собственно в северо-западных районах Кавказа. Грузинско-абхазская война (14 августа 1992 – 30 сентября 1993 гг.) вызвала у многих выходцев из Абхазии и представителей других северокавказских народностей, проживающих в Турции, усиленное солидарности и обостренное беспокойство по отношению к своей исторической родине – Абхазии и всего Северного Кавказа. Вскоре после этих событий заметную роль стал играть Комитет солидарности «Кавказ – Абхазия» (КСКА), который стал рупором для лоббирования абхазских интересов. Комитет был признан как абхазскими, так и турецкими властями. Среди гостей Комитета был также представитель Абхазии в Турции. Во время войны КСКА занимался распространением информации о миссии абхазцев в Турции и организацией поставок гуманитарной помощи населению

⁷ См. предыдущую сноску (прим. пер.).

⁶ Быть может, автор имеет в виду северо-западные районы *Южного* Кавказа (прим. пер.).

Абхазии, используя для этого свои связи в аппарате президента, правительстве, меджлисе и СМИ. В течение 1992 года КСКА организовывал акции и кампании по всей Турции по сбору помощи на дело Абхазии, а также общественные митинги в Стамбуле, Анкаре и Адапазары. Комитет также пользовался активной поддержкой со стороны других ассоциаций и объединений представителей народов Северного Кавказа например, таких, как Кавказское объединение «Kaf-Der» («Kafkas Derneği»), ставшее позже Кавказской федерацией «Kaf-Fed» («Kafkas Federasyonu»). Участие тысяч людей в уличных митингах, проводимых такими организациями, удивило не только представителей турецких властей, но также и самих абхазцев и представителей других (sic! – прим. пер.) северокавказских народов. Война в Абхазии способствовала превращению [абхазской] диаспоры в заметный политический фактор в контексте отношений между Турцией и Абхазией. В дополнение к такому традиционному проявлению гуманитарной солидарности и политической активности ряд молодых людей, включая даже девушек, направились в Абхазию, чтобы с оружием в руках воевать на стороне своих этнических братьев и сестер в качестве добровольцев. Деятельность абхазской диаспоры по пропаганде абхазского дела в Турции во время грузинско-абхазской войны оказалась довольно успешной, но при этом ей так и не удалось перерасти в мощную политическую силу, которая могла бы оказать прямое влияние на турецкие власти и тем самым заставить Анкару внести сколько-нибудь заметные коррективы в свой внешнеполитический курс в отношении Грузии. К вящему разочарованию диаспоры Анкара была непоколебима в сохранении приверженности официальной линии, в соответствии с которой абхазский вопрос рассматривался как сугубо внутреннее дело суверенной Грузии.

Турция и Южный Кавказ: перспективы на ближайшее будущее

Турция является важным источником несилового влияния в южнокавказском регионе. Чрезвычайно укрепилась сила притяжения Турции на фоне экономического роста и либеральной визовой политики государства. В глазах многих народов Турция стала крупным генератором рабочих мест и магнитом для туристов и любителей делать покупки. С точки зрения человеческой и географической близости Турция является единственным конкурентом России за влияние среди народов Южного Кавказа. Благодаря географической близости и размерам территории Турция может оказать очень существенную поддержку процессу реформ в регионе. Турция заинтересована в распространении стабильности за пределами своих границ. Процесс постепенной интеграции между Аджарией и Черноморским побережьем Турции служит хорошим примером положительного влияния Турции на динамику событий по другую сторону границы.

Понятие «соседи» для ЕС и Турции все в большей степени совпадают. Это утверждение особенно справедливо в отношении черноморского региона, где все страны являются полноправными партнерами в рамках политики Европейской политики соседства Евросоюза (ЕПС). Новые соседи Европы являются, по сути, старыми соседями Турции. И это обстоятельство никак не зависит от того, будет ли Турция в будущем принята в Союз или нет. Черноморье можно определить как регион, где живут одновременно соседи и Турции, и ЕС. В рамках процесса вступления в ЕС Турция может укрепить свой потенциал в качестве активного соучастника создания стабильности, безопасности и процветания в своем регионе и в то же время помочь ЕС стать полноправным внешнеполитическим субъектом событий в регионе. Только при увязке к процессу вступления Турции в ЕС Европейская политика соседства сможет

стать в разумную и жизнеспособную стратегию и тем самым способствовать развитию более последовательных и эффективных отношений между объединенной Европой и внешним миром и превратиться в действенный инструмент поддержки процессов субрегиональной интеграции. Отсюда — необходимость анализа возможностей и путей увязки отношений между Турцией и Европейским союзом с дальнейшим развитием его ЕПС и Общей внешней политики и единой политики в области безопасности. И как бы ни разрешился в конечном итоге вопрос о статусе Турции в ЕС, одним из основных приоритетов в качестве одного из геостратегических проектов является тесная и устойчивая интеграция Турции с ЕС и включение ее в эту организацию при создании международного режима управления юго-восточными границами Европейского союза.

Если Турция хочет преобразовать свой «несиловой потенциал» («soft power») и свою привлекательность («силу притяжения») в некий вектор влияния в регионе, то ей понадобится более активно участвовать в его политической жизни и повысить качество стратегического планирования. Высвобождение Турции от пут мышления в духе холодной войны, преобладавшего в 1990-е годы, создает оперативный простор для нового маневра на Южном Кавказе. Традиционно Турция старалась особенно не выделяться на региональном политическом ландшафте, оставаясь – как в дискурсе, так и в действиях – в тени американской политики. Помимо этого, стратегический курс на полную солидарность с Азербайджаном весьма ограничил возможности для участия Анкары в международных усилиях по урегулированию конфликтов в этом регионе. Турцию заботила задача сохранения *status quo* в южнокавказском регионе как средства поддержания региональной стабильности, несмотря на все водоразделы, раздоры, блокады и торговые ограничения, характерные для региона. Война в Грузии в 2008 г. продемонстрировала всю неустойчивость сложившегося положения вещей. «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК), провозглашенная Турцией в контексте российско-грузинской войны 2008 года, явилась новаторской инициативой в том смысле, что в ней турецкий дипломатический дискурс впервые открыто увязал воедино проблематику региональной стабильности с поисками путей разрешения конфликтов. Основным источником легитимации ПССК по-прежнему остается процесс нормализации отношений между Турцией и Арменией. Сегодня, спусти три года после провозглашения этой инициативы, принципы, механизмы принятия решения и структура ПССК все еще нуждаются в доработке.

Нагорно-карабахский конфликт дорого обходится Турции. Как показала последняя неудавшаяся попытка нормализовать отношения с Арменией, затянувшийся конфликт ограничивает способность Турции проводить суверенную политику в регионе. При этом Турция едва ли может заметно повлиять на процесс урегулирования армянско-азербайджанского конфликта, пока у нее нет двусторонних отношений с Арменией на политическом уровне. По сути, эффективность любого политического курса Турции на Южном Кавказе определяется перспективами урегулирования конфликта, который во всех отношениях является внешним по отношению к Турции.

***

Южный Кавказ - 20 лет независимости, Фонд Фридриха Эберта